

Список источников и литературы

1. Аникеев А. С. Югославия в европейской политике Великих держав в годы «холодной войны» (конец 40-х — начало 50-х) // Славяноведение. 1992. № 5.
2. АВП РФ. Ф. 144. Оп. 8 П. 15. Д. 6.
3. АВП РФ. Ф. 202. Оп. 5. П. 110. Д. 1.
4. Гибианский Л. Я. Триестский вопрос в конце Второй мировой войны (1944–1945) // Славяноведение. 2001. № 4.
5. Потехин А. В. Дипломатия США в Восточной Европе. 1945–1950 гг. Киев, 1991.
6. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. II. М., 1984.
7. Советско-югославские отношения. 1945–1956: Документы и материалы. Новосибирск, 2010.
8. Bohlen Ch. Witness to History, 1929–1969. N. Y., 1973.
9. Byrnes J. All in One Lifetime. N. Y., 1958.
10. FRUS. Diplomatic Papers. 1945. Vol. IV: Europe. Washington, 1968.
11. FRUS. Diplomatic Papers. 1948. Vol. IV: Eastern Europe. The Soviet Union. Washington, 1974.
12. Novak B. Trieste, 1941–1954: The Ethnic, Political, and Ideological Struggle. Chicago, 1970.
13. Rabel R. Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941–1954. Durham, 1988.
14. United States and Italy, 1936–1946. Documentary Record. Washington, 1946.

И. А. Мамадалиев,

доцент Худжандского гос. университета,
Республика Таджикистан

Памир: между империями в контексте «Большой игры»

К середине XIX в. в политической жизни Памира и Бадахшана заметных изменений не происходило. Но события, разворачивающиеся за пределами региона и непосредственно затрагивающие его, предвещали начало серьезных перемен в крае. Среди этих событий

наиболее значительными были: рост английского и российского дипломатического противостояния; стремление властей Цинской империи определить границы на Памире, исходя из своих интересов; активные вооруженные действия афганцев в западно-памирских владениях. Всему этому способствовали внутренние неурядицы, постоянное стремление каждого из мелких феодальных владений расширить свою территорию путем насильственного захвата территории своих соседей. В результате этих постоянных феодальных междоусобиц отдельные правители теряли свою независимость, подпадая под власть более сильного соседнего владения. Именно эта политическая нестабильность, наряду с другими факторами, все больше побуждала официальных представителей заинтересованных держав укрепиться в этом стратегически важном горном регионе.

Новая активизация английской торгово-дипломатической службы в Средней Азии наблюдается в середине XIX в. К тому времени Англия «завершила подчинение Индии, превратив ее в базу своей широкой экономической и военно-политической экспансии в Азии и Африке» (ссылка пропала). Британская агентура вела активную подрывную деятельность в Бухаре, Хиве, Коканде, Туркмении, на Памире. Правящие круги Великобритании и английская печать прикрывали все это шумихой о «русской угрозе» Индии. Тем не менее с конца второй четверти XIX в. так же русское правительство вплотную занялось осуществлением давно задуманного предприятия — планомерного продвижения вглубь Средней Азии.

Таким образом, региональный масштаб противоборства России и Англии сузился в пределах Памира. Особую активность в южных районах Центральной Азии Великобритания начала проявлять в середине XIX в. На это англичан вдохновляли события (антикитайское восстание Якуб-бека, образование мусульманского государства Итти-шар), происходившие в Кашгаре [2, 71].

Английские офицеры, работавшие обычно инкогнито, использовали как агентурные связи, так и местных (мусульманских) топографов и шпионов (пундитов, что в переводе с хинди означает «учителя»), которые прошли спецподготовку в Управлении большой тригонометрической съемки Индии — английской военной топографо-геодезической службе в Индии [2, 54–55]. В 1850–1860-х гг. пундиты проникали далеко на север от индийских владений и во многом расширили

географические представления англичан о территориях Центральной Азии, находившейся далеко от индийских владений Великобритании, к северу от Гималаев и Гиндукуша [2, 71–74].

События, связанные с присоединением Средней Азии к России, и ее несомненный успех все больше пугали английские дипломатические и военные круги. Поэтому, пытаясь поставить предел продвижению русских в Центральную Азию, что, в свою очередь, приближало их и к северным границам Индии, в 1869 г. Англия выступила с инициативой начать переговоры с Россией о разделе сфер влияния в Центральной Азии и создании буферной зоны между владениями России и Великобритании. Еще 1 августа 1869 г. при встрече российского канцлера князя А. М. Горчакова с представителем Англии Дугласом Форсайтом в Баден-Бадене, оба пришли к мнению о необходимости мирного разрешения пограничных вопросов между Россией и Англией. На очередном совещании по этому вопросу в Петербурге (20 октября 1869 г.) стороны пришли к решению о том, что пределами Афганистана считаются те местности, которыми в то время владел Шир-Али-хан, и «Англия со своей стороны не допустит афганского владетеля тревожить своих северных соседей» [3, 37–38].

Английские правящие круги, с одной стороны, стремились не дать России приблизиться к границам Индии, а с другой, хотели, используя Афганистан, активизировать свои экспансионистские действия в Средней Азии и в частности на Памире. У России к тому времени не было четких представлений о владениях, расположенных в верховьях Пянджа. К тому же военные действия в Средней Азии еще не закончились, поэтому обе стороны не скрывали своей заинтересованности в мирном определении границ на Памире. В итоге переговоры по этой проблеме были продолжены.

Пока шли переговоры (а шли они с большими перерывами), дипломатические круги Англии и ее правительство, используя плохую осведомленность русских о расположении афганской границы в горных районах Памира и близлежащих районах, поручили своему послу в Петербурге передать русскому правительству свои соображения относительно пределов Афганистана. Согласно представленному им 17 октября 1872 г. документу (депеше), власть эмира Афганистана распространялась в пределах «Бадахшана, с зависимым от него районом Вахана от Сариколя (озеро Вуда) на востоке до слияния реки

Кокча с Оксом (или Пянджем)» [1, 117]. В ответ на это российский министр иностранных дел граф А. М. Горчаков твёрдо заявил о том, что «основатель афганского государства Дост Мухаммед хан оставил после себя состояние неразберихи, которое не позволяет принять за основу те территории, которые были присоединены Афганистаном в отдельные моменты его правления» [1, 118].

Уточнить положение дел и реальное очертание границы Афганистана А. М. Горчаков поручил Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману, который в своей предварительной записке А. М. Горчакову по этому вопросу высказал опасение, что если афганский эмир займет Бадахшан и Вахан, то тем самым он увеличит линию соприкосновения с Бухарой, делается соседом Каратегина, откуда уже рукой подать до кокандских владений, это и есть прямой путь к столкновению с ними [4, 16]. Несмотря на множество неточностей и разногласий по поводу определения границы между сферами влияния России и Великобритании, стороны вынуждены были прийти к соглашению о воздержании от чрезмерной конфронтации.

Таким образом, в начале 1873 г. между двумя державами была достигнута договоренность, в рамках которой Россия согласилась на предлагаемые английской стороной условия, вернее, не отказалась признать английскую линию демаркации условной границей, которая отдавала Бадахшан и Вахан афганскому эмиру. Соглашение по сути дела не касалось территорий Памира, расположенных к востоку от озера Виктория (Зоркуль). Иными словами, заведомо беспочвенное, лишенное объективного основания соглашение 1872–1873 гг. не могло решить возникших проблем. Оно давало возможность русским и британским властям продолжать противоборство не только в отношении дальнейшего словесного уточнения географических «недоразумений», допущенных в ходе переговоров и заключения договора, но и бороться за малоисследованные и «ничейные» земли под обобщающим названием «Памир».

Вышеизложенные факты, касающиеся процедуры подготовки и заключения в 1872–1873 гг. между Англией и Россией соглашения по определению границы, пролегающей между Бухарским и Афганским эмиратами, а также урегулирования их позиции на Памире, были ни чем иным, как большой политической игрой. Обе страны боялись одного — как бы их противостояние не переросло в вооруженный

конфликт, а того и хуже — в войну. Главы внешнеполитических ведомств, поставившие свои подписи под соглашением 1872–1873 гг., не были уверены в его реализации. Главной их целью было не допустить ущемления своих интересов.

Для местного населения скорейшее присоединение к России было не только «наименьшим злом», оно отвечало его кровным интересам: помимо спасения от тирании афганцев и прочих выгод оно давало возможность избавиться от религиозных преследований афганского духовенства. К сказанному следует добавить, что вопрос присоединения Памира к России стал злободневным не только для населения этого края, дошедшего до отчаяния, но и для самой России. Промедление в решении вопроса могло привести ее к военно-стратегическому проигрышу в Центральной Азии.

Англия, пристально следившая за действиями России, активизировала свои действия на Памире. Английские агенты стали проводить широкую антирусскую пропаганду среди населения, они также изучали местность для возможного создания укреплений и баз на случай военного столкновения с Россией.

В марте 1895 г. было достигнуто соглашение между Россией и Англией относительно деятельности комиссии по разграничению на Памире. Британия приняла принципиальную позицию России в этом отношении, а в остальном стороны смогли достичь компромисса. Между британским и русским правительствами был осуществлен обмен нотами (в марте 1895 г.), завершающими Памирское разграничение. Весной 1896 г. результаты работы пограничной комиссии по демаркации границы России с Афганистаном на Памире были ратифицированы правительствами Великобритании и Российской империи.

В целом присоединение Памира к России имело прогрессивное судьбоносное значение. Оно проявлялось в следующем:

- население края окончательно было спасено от далеко идущих колонизаторских намерений Великобритании;
- народы, населявшие Западный Памир и по воле судьбы, вернее, по причине столкновения интересов двух колониальных держав оказавшиеся под игом афганских властей, за более чем десятилетия испытывавшие все ужасы невольничьей жизни, были освобождены;

- присоединение фактически избавило жителей от беспрерывно продолжавшейся феодальной междоусобицы, частых захватнических нападений более крупных соседних владений;
- разграничение и создание новой административной структуры управления позволило восстановить тесную традиционную экономическую и культурную связь со своими собратьями — таджиками Бухарского эмирата и Туркестанского генерал-губернаторства;
- Памир был втянут в орбиту социально-экономической и культурной жизни многонациональной Российской империи;
- созданием Памирского пограничного отряда сложились новые, более прогрессивные взаимоотношения между местным населением и русскими пограничными службами;
- присоединение Памира к России предоставило русским ученым широкую возможность более основательно приступить к изучению истории, этнографии, лингвистики, фольклора, горных богатств, географии, а также природно-климатических условий Памира.
- происходящие общественно-политические перемены, перераставшие в будущем в мощное освободительное и революционное движение и приведшие в итоге к победе Октябрьской революции, способствовали возрождению таджикской государственности, составной частью которой стала и Горно-Бадахшанская автономная область.

Список источников и литературы

1. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией в 1872–1885 гг. СПб., 1886. С. 5. OIJR. MSS. Eur. F. 111/144. Correspondence with Russia respecting Central Asia. Printed to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. 1873.
2. Постников А. В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. Монография в документах. М., 2001.
3. РГВИА. Ф. ВУА, 1969 г. Д. 6810.
4. ЦГА РУзб. Дипломатическая часть при Туркестанском генерал-губернаторстве. Д. 830/263.